

ность Люблянской школы лаканизма и особенно С. Жижека, лаканиста, приобретшего большую популярность в англоязычных странах³².

Все это свидетельствует о философской значимости Лакана. Но философом он был в некотором ином смысле, нежели те, чья принадлежность к философскому цеху не вызывает у нас сомнений. Он был философом в отношении того знания, с которым он имел дело. В самой его фигуре присутствовало то, что составляло философию его времени. Как сказал Ясперс, «философ — человек, который всегда готов отвечать всей своей личностью, вводить всю ее в действие, если он вообще где-либо действует»³³. Лакан действовал именно своей личностью, и фигуру этого действия, фигуру Лакана-философа, мы попытались обрисовать в настоящей статье.

³² См., например, сборник текстов Люблянской школы: То, что мы всегда хотели знать о Лакане (но боялись спросить у Хичкока) / под ред. С. Жижека. М. : Логос, 2004.

³³ Ясперс К. Речь памяти Макса Вебера / пер. М. И. Левиной // Избранное. Образ общества / М. Вебер. М. : Юрист, 1994. С. 556.

ЛАБИРИНТЫ СООБЩЕСТВ

Г. В. Мелихов

К метафизике философского сообщества*

1. Мне хотелось бы избрать для своего выступления тему не столько интересную, сколько *болезненно* нас всех затрагивающую. Я нахожу, что таковой темой является тема «философского сообщества».

2. Что такое «философское сообщество» как специфический объект мысли? «Философское сообщество» в широком смысле — это совместное бытие (со-бытие) людей, которые делают то, что они сами или другие люди называют философией, причем делают так, что это *потом* действительно оказывается философией. В таком случае, кажется, все говорит о том, что проблематика философского сообщества — это проблематика *пространственных* условий философского мышления. Собрались люди в некотором месте (в-месте) и давай страстно обсуждать проблемы разные, философские... Так вот я сразу хочу сказать, что «философское сообщество» буду понимать иначе. Приведу два примера. Предположим: есть дипломированные специалисты, есть место, где можно поговорить, собрались люди, а беседы не получается — все слова, да слова... Как будто чего-то не хватает. Ситуация, полагаю, знакома каждому. Значит, собраться вместе и поговорить на философские темы еще не значит составлять «философское сообщество». Пример второй: известно, что классическую (и неклассическую, включая постмодернистскую) философию делали книгочеи. Декарт, Гегель запоем — дни напролет — читали философские книжки, а Кант вообще умудрился проснуться от «догматического сна» посредством одного лишь «Эмиля» Ж.-Ж.Руссо. Ситуация противоположна предшествующей: можно быть *одному*, какое-то время ни с кем вообще не общаться, но при этом являться

* Выступление на методологическом семинаре (кафедра философии КГУ, 29.01.07).

реальным представителем «философского сообщества». Стало быть, «философское сообщество» по сути своей мало имеет отношения к физическим лицам (другим людям), к физическому месту, к формальным структурам — организациям, званиям, количеству философских публикаций, ораторскому искусству и педагогическому мастерству и т. д. По крайней мере, «философское сообщество» — это нечто «добавочное» к «физике», «невидимое». Вся проблема состоит здесь в том, чтобы до встречи с другими людьми или же в самый момент этой встречи оказаться в сфере воздействия «философского сообщества». И это является условием того, что нечто на первый взгляд обычное — разговор или текст — потом вдруг окажется по-настоящему философским. Отсюда мой **первый тезис**: «философское сообщество» непространственно, физически полностью никогда не локализуемо, вместе с тем оно реально ощутимо (но об этом чуть ниже). Это некое фоновое условие всех философских утверждений. В объективированной своей форме оно предстает в качестве различных философских традиций, но ими не исчерпывается, потому что «философское сообщество» — это универсум не только заданных, но и еще не заданных, возможных философских вопросов.

3. А теперь я бы хотел рассмотреть некоторые условия, делающие «философское сообщество» возможным. Таких условий у меня два, и речь будет идти о том, что человек должен делать с самим собой, а не с другими людьми, проходя в душе своей некие «точки» собственного роста, которые я называю «точкой локализации смысла» и «точкой общительности с другими».

Обсуждение первого условия я бы хотел начать с примера почти анекдотического, имевшего место быть в реальности, хотя и несколько «двусмысленного». Надеюсь, я буду правильно понять — речь идет о серьезной и достаточной типичной проблеме. Девочка 9 лет возвращается от своей подруги домой и взволнованно вопрошает у своей мамы: «Мамочка, что значит трахаться»? Мама, подумав немного, совершенно искренне отвечает примерно так: «Доченька, слово “трахаться” не очень хорошее. То, о чем ты говоришь, лучше выразить в термине... “коитус”». Тут, надо полагать, волшеб-

ное слово «коитус» возымело свое действие, и смысл супружеских отношений предстал в сознании девочки во всей своей исчерпывающе ясной полноте... Если же серьезно, то ситуация, с моей точки зрения, выглядит прямо противоположным образом: девочка, конечно же, не получила ответа на свой вопрос, из сказанного она ничего не поняла, да и не могла понять, потому что вместо того, чтобы вступить в реальный контакт с ребенком, мама предпочла остаться в реальности чисто вербальной — перевела ситуацию с языка обыденного на язык научный. И все. Мне кажется, ситуация здесь состоит в следующем: действительный смысл человеческих отношений взрослым человеком так и не был для себя локализован, так и не стал достоянием ее души, потому что она и не чувствует другого человека, заменяя реальный ответ по сути на игру слов, ей лично (а не ребенку) известных. В этой связи я хотел бы сформулировать свой **второй тезис**: первым условием реализации «философского сообщества» в конкретном месте и времени является прохождение отдельным человеком в своей собственной душе специфической «точки», которую я бы назвал «точкой локализации смысла (имени М. Мамардашвили)». Речь идет о глубоком переживании того, что «Я есть» в значении: «философское сообщество есть, и я — его живая часть». Ты можешь не до конца понимать смысл «философского сообщества», но ты твердо знаешь, что этот смысл есть и он будет раскрываться через тебя. Самое главное здесь — понимание того, что твои действия, твои мысли могут иметь какое-то значение лишь в соотнесении с «философским сообществом». Занимаясь публичной деятельностью, читая лекции, беседуя на философские темы, работая за письменным столом, ты представляешь не столько себя самого, сладко любимого, сколько «философское сообщество» в той или иной его личной локализации. Это значит, что публичная философская жизнь должна служить местом объективаций индивидуальных самоопределений, то есть быть местом встречи не конкретных носителей имени и фамилии, а платоников, кантианцев, гегельянцев, постмодернистов и т. д.

4. Если первое условие, делающее «философское сообщество» возможным, — сворачивание, то есть локализация

или индивидуализация смысла сообщества, то второе условие состоит, напротив, в разворачивании, экспонировании или показе этого смысла вовне. Я имею в виду одну простую вещь: быть неоплатоником или, скажем, хайдеггерианцем — это не значит воздвигать горы новых философских утверждений, но пытаться показать значимость локализованного смысла «философского сообщества» не вообще для человечества, а для конкретного человека, обращенного к тебе в настоящую минуту со своей проблемой. Понимание этой простой вещи — философия каким-то образом должна служить людям, с которыми тебя в настоящий момент сводит судьба, — я называю прохождением «точки общительности с другими (имени Ж.-Л.Нанси)». И здесь я бы хотел обратить внимание на один интересный момент. Быть экспонированным, открытым другому — значит оказаться на *пределе* понимания *своего* смысла «философского сообщества». Постараюсь пояснить, что я имею в виду. Если мы действительно хотим понять другого человека, то, что происходит с ним, а не заниматься переводом слов обыденного языка в научную терминологию и наоборот, мы должны обладать способностью... *рассмеяться* в лицо самому себе. И перестать, хотя бы на время, быть завязатыми марксистами или экзистенциалистами. Мы должны сделать усилие и постараться выйти за пределы своей собственной самономинации, потому что внутри нее уже содержатся ответы на все вопросы. Но перед нами находится живой человек. Вполне вероятно, что старого нашего знания будет недостаточно. Тогда мы можем искать ответы на поставленные вопросы совместно и совсем не обязательно с нашей точки зрения. В таком случае мы имеем прекрасный повод посмеяться над самими собой... Отсюда мой последний, **третий тезис**: когда мы искренне смеемся над собой, мы открыты и составляем подлинное сообщество людей, разделяющих между собой одну только *радость*. Именно в этот момент искреннего смеха над самими собой мы обладаем уникальной возможностью непосредственно ощутить свою принадлежность к «философскому сообществу». «Философское сообщество» — это сообщество радостных, смеющихся над собой людей. Оно ничего, кроме этой радости, не производит. «Философское сообщество» не является субстанцией.

Оно не объединяет людей в школы, ни к чему не зовет, не является ни субъектом, ни объектом. Оно не может быть ни отдельным телом, ни общим. «Философское сообщество» нельзя постичь с помощью определенного метода или без помощи метода. В нем нет ничего, что можно было бы познать, кроме радости освобождения от огромной, непосильной для нас массы заскорузлых слов и, пожалуй, еще ощущения, что ты, на самом деле, никогда не был и не будешь одиноким.